

Угощаю рядбиной

Уважаемый читатель!

27 марта – день рождения Александра Яшина. В этом выпуске вы познакомитесь с историей взаимоотношений Яшина и Паустовского, а также с воспоминаниями о писателе.

От Яшина до Паустовского...

В писательской среде дружба является довольно-таки редким явлением, как и вообще у людей творческих, оттого настоящая, подлинная дружба дороже вдвойне. Так же было и в жизни Александра Яковлевича. В 1956 году в альманахе «Литературная Москва» вышел рассказ Яшина «Рычаги», который стал прозаическим дебютом поэта. С него начался его путь в прозу, и не только в прозу, а в другую жизнь – путь поиска истины, путь правды.

Рассказ был признан клеветническим, очерняющим советскую действительность.

Многие из писателей, некогда соратников Яшина, высоко оценили рассказ в глазах писателя и порочили в глазах общественности. Были и такие, которые в открытую называли рассказ «антисоветским» или просто отвернулись.

И лишь немногие решились сказать правду. Среди таких людей был Константин Георгиевич Паустовский.

«Паустовский был будто бы у Пospelова, держался хорошо. Защищал и «Рычаги» (запись в дневнике Яшина от 13 июня 1957 г.).

Скорее всего, это стало первым шагом на пути сближения двух писателей.

В этом же году 27 октября Яшин помещает в дневнике: «В 7.30 утра позвонила Злата из Ялты. А я как раз хотел сам звонить, потому что сегодня выезжаю с Мишей к ней. Меня ждет там К.Г. Паустовский. Он уедет из Ялты 30 октября».

Дневник: «28/X-57. Встретили в Ялте в Доме творчества отлично...»

К морю мы пошли вместе – Сельвинский, Паустовский и я...»

Яшин, открыв свой путь в прозе, искал поддержки у Паустовского, как признанного мастера. Он присылает писателю рукописи своих произведений. Яшин ищет в Паустовском не только писательскую, но и дружескую поддержку, не только учителя, но и старшего товарища.

В это время Александр Яковлевич настороженно относился к людям, мало кому доверял, не мог быть открытым до конца, и на то были свои причины: он боялся «нарваться с исповедью на врага».

Паустовский приглашает писателя на свою родину, в Тарусу: «10/VI. Выехали в Серпухов утром. З.К., Злата, Саша, Миша. Проехали в Тарусу. Отдал Паустовскому читать «Выскочку» и «Сироту».

Александра Яковлевича обрадовал положительный отзыв Паустовского, его оценка, она вселила в него надежду на то, что труд не напрасен, что нужно продолжать работать над прозой.

«Вечером позвонил в Тарусу Паустовскому. Он прочитал и «Сироту», тоже нравится очень. Считает, что и делать ничего не нужно. «Выскочку» он ставит выше. Я сказал о «непреходимости». Он: «Ну, это мы еще посмотрим».

Итогом поездки на родину Паустовского стало стихотворение «Таруса», посвященное писателю. И не только это стихотворение. В конце повести «Вологодская свадьба» он пишет: «Один нестерь подарил Константину Георгиевичу Паустовскому к его семидесятилетию...».

Из письма к жене: «Телеграмму Паустовскому я сегодня, 31/V, передал...»

Успела ли ты вовремя оставить ему нестерь? Мне этот человек дорог».

Ответный подарок от Паустовского. Ялта, 27 марта 1962 года. День рождения Александра Яшина. Паустовский подписывает ему второй том своего собрания

Константин Паустовский и Александр Яшин

сочинений: «Дорогому Александру Яковлевичу Яшину. Будьте всегда таким же молодым, смелым и беспокойным, как и сейчас. А о таланте я и не говорю, – он Вам отпущен полной мерой. 27 марта 1962 г. Ялта. Ваш Паустовский».

Через год, уже после кампании гонения на «Вологодскую свадьбу», когда Яшин как никогда нуждался в человеческой поддержке, Паустовский подписывает ему первый том своего шеститомника: «Александр Яковлевич, Саша, дорогой, Вы прямой, мужественный человек, – ни в чем не «сумлевайтесь», народ Вас отблагодарит за правду и за Вашу сыновнюю к нему любовь – Вас и чудную Вашу помощницу – Злату Константиновну. 16/II-63/ Переделкин. Любящий Вас – К. Паустовский».

А 19 марта 1963 года Паустовский подписывает все тома своего собрания сочинений каждому члену семьи Яшина. Вот автограф Злате Константиновне: «Дорогой Злате Константиновне Яшиной – живому воплощению прекрасных черт русской (и отчасти польской) женщины. Паустовский».

Младшей дочери А. Яшина – Злате: «Злате Яшиной – представительнице чудесной яшинской семьи – на счастье». Младшему сыну Мише: «Мишеньке Яшину, милому мальчику, чтобы всегда так хорошо улыбался, как сейчас».

27 марта 1963 года у Александра Яковлевича юбилей – 50 лет, о котором поэт напишет:

Юбилей мой прошел не отмеченным,
Засекреченным, –
Даже без вечера, –
Но друзьями он был замечен,
Стало быть, и жалеть о нем нечего».

Одним из таких друзей стал для Яшина и Константин Георгиевич.

В «Литературной России» к 50-летию А. Яшина вышла его заметка: «Мы часто используем выражение – сын народа. Но это звание надо заслужить любовью к своему народу. В этом смысле Александр Яшин – подлинный талантливый сын нашего Севера, вологодских краев, сын и поэт».

Я не представляю себе оседлого Яшина. Он всегда в движении, в поэтичес-

История одного экспоната

Небольшой музыкальный инструмент – мандолина – был подарен Александру Яшину Станиславом Поповым в 50-е годы. Станислав Александрович Попов – двоюродный брат А. Яшина, член-корреспондент Академии транспорта РФ, профессор, доктор технических наук. Станислав был человеком редкой одаренности, не только ученый, но и талантливый художник, играл на музыкальных инструментах. В музее сохранились графические рисунки, акварельные работы, наброски, карикатуры Станислава Александровича.

Этот диковинный итальянский инструмент попал и в наши края. Многим выпускникам педучилища запомнились уроки музыки, игра на скрипке, мандолине и балалайке. Яшин научился играть на этом музыкальном инструменте, еще будучи студентом Никольского педагогического техникума. По воспоминаниям однокурсников Саша Попов обучился игре на мандолине во время болезни, когда был отстранен от занятий.

Сохранился в музее еще один подарок Станислава: пишущая машинка, на ней были напечатаны первые пробы в прозе, ставшие известными на всю страну: повести «Выскачка» и «Сирота», а также сборники лирики последних лет.

Дорога на Бобришный

Воспоминания об Александре Яшине Михаила Субботина, который работал первым секретарем райкома партии. При его непосредственном участии из Москвы в Никольск был вывезена мемориальная комната Александра Яшина.

«В один из сентябрьских дождливых дней (это было в 1967 году) мы с группой товарищей собрались в Блудново. Яшин на родине был уже с неделю, жил у себя в лесном доме».

Решили завернуть на Бобришный. Радость нашу из печной трубы валил дым. На крыльце появилась фигура высокого человека. Это был Александр Яковлевич.

Через полчаса мы собрались в избушку. Огня не зажигали, да и лампы никакой не было. Полумрак не мешал беседе, Яшин делился впечатлениями о своей деревне (за неделю побывал вокруг), критиковал нас за медлительность электрификации, состояние дорог. Сокрушался о суровых пожарах и лесных сенокосах, как всегда много шутил, балагурил, сыпал частушками, каламбурами. Но вдруг замолчал, словно вспомнил что-то тревожащее и беспокоящее его.

Затем с заметным волнением и даже болью спросил:

– А все ли поймем друг друга? Все ли нас ладно?

Мне подумалось тогда, что Яшин обеспокоен разговорами о нашумевших его рассказах, отношением к ним читателей.

Больше всего переживал он непонимание некоторых своих произведений близкими товарищами и земляками. Поэт вообще был очень раним, а оттого иногда и грузок, – труден, как некоторые считали.

Спустя недолгое время М.А. Субботин вместе с ним и земляки поэта, узнали, что Александр Яшин тяжело болен и перенес уже две операции.

«Перед отъездом в Москву мы думали, что послать Александру Яковлевичу? Решение пришло само собой. Была выкопана с Бобришного Угора маленькая сосенка двухлетка с комом мшистой земли и брусничной травкой. Я все упаковал, хорошо полил и повез».

Александр Яковлевич, несмотря на свое состояние, ему даже говорить было трудно, интересовался делами районными, полями своих земляков. Я вспомнил о подосеке-сосенке (она осталась в прихожей), сходил за ней и подал Яшину.

– С Бобришного Угора привет вам, Яшин, Александр Яковлевич! – произнес сам не узнавая подарка. Сосенка хорошо перенесла дорогу, зеленела. Но чудо произошло: сосенка ожидала нас. Когда я вскрыл упаковку, мы увидели (сосенка была уже в руках Яшина), что брусника, вероятно съев в пути, повинуясь закону вечной жизни, скромно зацвела белыми розеточками.

Нервы у Александра Яковлевича дрожали. От уголка глаз медленно, оставив по ввалившейся щеке неровный след, ползла слеза. Он плакал совершенно бесшумно. Только влажные полоски выдавали его. Это продолжалось с минуту. Я побоялся как-то поддержать его, утешить.

Но он быстро справился с волнением, внешне успокоился и стал говорить и то, что хочет закончить книгу и много другое успеть...».